

*Ольга Геннадьевна Левашова,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»*

Образы инородцев в ранней прозе В. Я. Шишкова

в свете традиций региональной литературы

История взаимоотношений русских и инородцев на территории Алтая длится уже несколько веков (русские первопроходцы появились на Алтае в XVI веке). К описанию инородческого населения сначала обратились путешественники, в своих отчетах и обзорах представляя инородцев как «чужое» и «враждебное» русскому миру. «По причине набегов киргизцев и зюнгорцев, присваивавших себе оную страну и похищавших скот и людей, укрепил он (Демидов – О. Л.) Колыванский завод валом...», – писал в своих «Записках путешествия» Иоганн Петер Фальк, в 1771 г. посетивший Алтай (Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С. 30).

Традицию такого осмысления образов инородцев закрепил и художественная литература. Образ Алтая воплощается и художественно осмысливается в региональной литературе XIX в., хотя произведения, посвященные Алтаю, печатаются в столичных изданиях (в столицах издателя, типографии, читатель).

Одним из первых, кто обратится к образам алтайских инородцев, будет Е. П. Ковалевский, на несколько лет, волею судеб, попавший на Алтай (в 1830-е гг.). В 1832 г. в Санкт-Петербурге вышел из печати его сборник стихотворений «Сибирь. Думы». Сборник оказался во многом ученическим и подражательным. Образ инородцев возникает по преимуществу в главе «Татарка». Стихотворным главам предпосланы прозаические комментарии. Характеризуя свою героиню, Е. П. Ковалевский пишет: «Представьте себе людей, скрывающихся от власти закона в лесах непроходимых, с верою шаткой, с умом огрубевшим, с чувством, погрязшим в состоянии скотском, полунагих, питающихся кореньями и дикими зверями, с которыми разделяют они логовища трещоб – и вы будете иметь понятие о татарах-язычниках, скитающихся между Кузнецком, Бийском и около озера Телецкого» (Ковалевский Е. П. Сибирь. Дума. СПб., 1832. С. 34).

В поэзии Е. П. Ковалевский не нашел нового образного языка для воплощения образа Алтая, для поэта это образ романтической экзотики (сродни топосу Кавказа): «Шел я; вот и юрта, дичь вокруг; / В юрту дева шла безмолвно... / Тихо... страшный зык раздался вдруг; / Шумно вьется стая воронья / Над кровавым остовом коня!» (Ковалевский Е. П. Сибирь. Дума. СПб., 1832. С. 40).

Образы инородцев возникают на периферии текста романа Л. П. Блюммера «На Алтае»: они еще «чужие», но уже не враждебные. Л. П. Блюммер в ноябре 1866 г. сослан в Сибирь, одно время работает управляющим золотым прииском на Алтае. Тему «золотой лихорадки» писатель положил в

основу замысла романа «Около золота» (оказалась написанной только первая часть «На Алтае»).

Бросается в глаза сложная сюжетная организация произведения: в романе выделяются три важнейших места действия, с которыми и связаны все драматические события, – города Ковальск, Багул и золотой прииск. Создавая тяжелую жизнь бергалов, горнозаводских рабочих, Л. П. Блюммер описывает бегство с прииска после рабочего бунта Фролова с Оленькой, дочерью управляющего прииском Сунгурова. Заплутав в лесу, они встречаются инородцев, Фролов спасает инородцу жизнь. В благодарность и телеуты помогают беглецам. Все же пока контакты русских и инородцев полны чувства боязни, с одной стороны, и неприязни, с другой: «Вот те, бабушка, и Юрьев день!.. Пятнай тебя! — выругался раненый. — Ах ты, анафема, дьявол этакой! Как ухватил! А ты что, татарская морда, глядишь, выпуча глаза? — обратился он к телеуту. — Только гикать знаешь!..

Инородец, не понимая ни слова, в самом деле только тарашил глаза; впрочем, потом, указывая зверя и на юг, начал махать рукой и бормотать.

— Ляд разберет твои собачьи разговоры... А вот со мною лучше гайда, за мадамой, — махнул ему Фролов.

Он чувствовал, что трудно ему будет идти без помощи и, ухватив инородца за плечо, начал толкать его в ту сторону, где оставил Олю. Телеут сперва сопротивлялся и замышлял скрыться; но Фролов держал его крепко, мало-помалу подвигался вперед, пока на его голосный зов не пришла Оля, слышавшая рев и выстрел и догадавшаяся о встрече со зверем» (Образ Алтая в русской литературе XIX-XX вв. Антология: в 5 т. Т. 1. Барнаул, 2012. С. 199).

Большой шаг в освоении алтайской коренной культуры сделали областники, Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин. Их экспедиции на Алтай были связаны с изучением быта инородцев, их нравов, образа жизни, их верований и народного творчества. Это глубочайшее проникновение в чужую культуру отразилось и в художественном творчестве. Так, Н. М. Ядринцев в очерке «В дальних странствиях» (*Из путешествия в Алтай*), подробно останавливаясь на описании алтайских пейзажей, пишет: «На вершине перевала стояло «обо», то есть груда камней, набрасываемых инородцами, шаманистами и буддистами. Иногда в них воткнут сухой куст, увешанный маленькими цветными ленточками, пучками конского волоса, кусками материи, что придает ему оригинальный вид украшенной елки. Эти обрывки и ленточки развеваются по ветру. Подобные обо встречаются на всех перевалах, перекрестках. Эти жертвенники с первого раза загадочны и необъяснимы для путешественника. Впоследствии он привыкает встречать их на всем пространстве инородческой пустыни. Обо должны оградить путника от бед, несчастий и злых духов, которые могут причинить ему зло, заставить сбиться с дороги и погибнуть в этих пустынях. Инородец, монгол и алтайский калмык одинаково с благоговением приближаются к этим насыпям и делают от себя приношение, то есть каждый прикрепляет ленточку или обрывок от халата. Мы также, подъезжая к этому обо и не желая нарушать обычая и подчиняясь общему благоговейному настроению в пожелании благополучного пути, подвесили к

деревцу несколько гарусинок, оторванных с дорожного шарфа» (Образ Алтая в русской литературе XIX-XX вв. Антология: в 5 т. Т. 1. Барнаул, 2012. С. 331).

Подлинным вниманием и уважением проникнуты сцены чужой обрядовости, в них автор видит поэтические черты: «Эти обычаи, а также разные приметы, пустые, вызывающие улыбку человека развитого, стоящего вне языческого, пантеистического и мифологического мирозерцания, получают в пути и для него какую-то притягательную силу: окружающая среда как будто действует и на него. Следя за своими ощущениями, постепенно удаляясь в пустыни, я чувствовал, что это отдаление от людского мира, это постоянное сосредоточение внимания на одной природе как-то подчиняло ей, заставляло чувствовать всю ее внушительность и подавляло и в то же время сближало, – словом, делало вас пантеистом» (Образ Алтая в русской литературе XIX-XX вв. Антология: в 5 т. Т. 1. Барнаул, 2012. С. 331).

Значительное место в произведениях Н. И. Наумова, посвященных образу Большого Алтая, занимают образы инородцев (повесть «Горная идиллия», рассказ «Сарбыска»). В этих произведениях чувствуется авторское стремление придать этим образом художественную объемность, наделив их социальными и психологическими чертами.

Новым этапом в изображении инородцев в русской литературе следует считать творчество Г. Д. Гребенщикова и В. Я. Шишкова. Подлинным гуманизмом проникнута повесть Г. Д. Гребенщикова «Ханство Батырбека». В полной мере авторская позиция и авторская концепция Алтая воплотились в шишковском цикле рассказов «Чуйские были». Произведение начинается поэтическим обращением к реке Чуе: «Эх, да как стегнула по Алтаю Чуя, священная река. Белые стоят на горизонте горы, все в вечных снегах, Чуйские Альпы, земли надгробие. В них родится Чуя, священная река.

Сначала степью течет она: ни лесу здесь нет, ни сочных трав. Зато отсюда ближе небо, ярче звезды, чище, прозрачней воздух». «Сакральным», «священным» представляется пространство Алтая как для коренных жителей, так и для русского самосознания. В описании «Чуйских Альп» чувствуется опора на алтайские мифы и легенды: «Вся степь, во времена минувшие, до самых горных маковок была водой залита: века веков плескалось здесь озеро голубой волной. И стерегли это озеро каменные витязи. Чуйские Альпы, богатыри алтайские, плечо в плечо стояли каменной стеной».

Алтайские топосы, населенные инородцами, осознаются как русские, в противовес монгольским: «На Чуйской степи есть маленький русский поселок Кош-Агач. Такой маленький, что с гор, обнявших степь каменным кольцом, его не приметить.

Через Кош-Агач Чуйский тракт идет. Узкой тропой соединил он сибирский город Бийск с монгольским – Кобдо». Разнообразны в цикле образы инородцев: это и монголы, и китайцы, и алтайцы. Цикл объединен единым конфликтом – противостоянием инородцев с беззастенчивыми русскими купцами, их произволом и полным беззаконием, творимым на этой благодатной земле. Значимы выбор фамилий и прозвищ русских купцов (Неправедный, Гнус), их портретные характеристики («ласковый торгаш с мышиными

глазами»). В противовес купцам, образы инородцев наделены дружелюбием, детской доверчивостью, поэтичностью. Так, инородец Юсуп по-своему переживает единство с природным миром: «Прощался Юсуп, сел на своего верблюда, поехал.

Степью ехал. Тихо было в степи. Лишь кузнечики неумолчно в траве трещали. Небо бледное, в бледных звездах – белых лебедях. Из-за снеговых хребтов подымалась луна.

Едет старый Юсуп, улыбается, с верблюдом разговор ведет и, пьяненький, начинает напевать:

– Вот месяц смотрит... Алла-алла... Круглый, зоркий, как глаза великого аллаха... Светит мне, светит верблюду...». Не только поэтического чувства напроць лишены жадные и меркантильные купцы, но и вообще души: они не знают жалости. К милосердию и состраданию призывает автор, обращаясь в финале не к институтам русской государственности. Отнюдь не на государство и справедливый земной суд уповает В. Я. Шишков. И все же автор верит в более счастливое будущее для этой благодатной земли: «Далеко стегнула по Алтаю Чуя, священная река!.. Бурлит по крутому склону, вся седая, вся косматая, ярко камни точит, грозит своим гневом человеку. Стой, Чуя, стой!.. Гляди – восход стал розовым... День идет, день идет, ночь кончилась... Еще немного – и твои волны запоют иные песни и будут сказывать новые были, светлые и радостные. Да не повторится прошлое, да не затмит оно грядущего дня. Эй, останови, Чуя, гнев свой, не точи яро камни... Милости, Чуя, священная река; больше милости!».

Несомненно, В. Я. Шишков воплощает мнение русской интеллигенции рубежа веков. Жизнь инородцев (в частности, алтайцев) многими из русских переживается и воспринимается как «своя», это часть русской жизни и русской культуры (важен биографический факт дружбы В. Я. Шишкова с художником Ч. Гуркиным, посещение его в Аносе). Русское, российское в начале века начинает осознаваться как многообразие культурных и бытовых форм. В этом свете органичен с общей концепцией произведения авторский гуманистический пафос и вера В. Я. Шишкова в национальный мир.